

ИВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ до 1917 года

2

ВЛАДОС

2003-5
2297-2

2

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ до 1917 года

В двух томах

Под редакцией
доктора исторических наук,
профессора М.Ю. Лачаевой

Том 2

Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений

Москва
ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС
2003

Содержание

Глава 16.	Исторические концепции А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и А.П. Щапова. (М.Ю. Лачаева)	5
Глава 17.	«Цветущая сложность» К.Н. Леонтьева и концепция Л.А. Тихомирова. (М.Ю. Лачаева)	45
Глава 18.	Д.И. Иловайский (1832—1920) (Н.М. Рогожин)	92
Глава 19.	Мастера биографического жанра — Н.К. Шильдер и великий князь Николай Михайлович. Историк-дипломат С.С. Татищев (М.Ю. Лачаева)	113
Глава 20.	Н.И. Костомаров (1817—1885) (М.Ю. Лачаева)	146
Глава 21.	В.О. Ключевский (1841—1911) (М.Ю. Лачаева)	167
Глава 22.	П.Н. Милюков (1859—1943) (М.Ю. Лачаева)	200
Глава 23.	А.А. Кизеветтер и А.А. Корнилов (М.Ю. Лачаева)	219
Глава 24.	С.Ф. Платонов (1860—1933) (Н.М. Рогожин)	239
Глава 25.	А.С. Лаппо-Данилевский и А.Е. Пресняков (М.Ю. Лачаева)	260

<i>Глава 26.</i>	Единство кардинальных линий исторического развития России и Западной Европы в творчестве Е.Ф. Шмурло и Н.П. Павлова-Сильванского (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	288
<i>Глава 27.</i>	Возникновение марксистской концепции истории России (<i>Г.Р. Наумова</i>)	304
<i>Глава 28.</i>	Исторические концепции христианских социалистов в контексте русской религиозной мысли (<i>Г.Р. Наумова</i>)	320
<i>Глава 29.</i>	Исторические представления народников (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	334
<i>Глава 30.</i>	Вместо заключения. О некоторых тенденциях в развитии отечественной историографии 1860—1910-х гг. (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	370

**Исторические
воззрения
Г.В. Плеханова**

Выступление Георгия Валентиновича Плеханова в 1895 г. под псевдонимом Бельтова положило начало экономического материализма в России. Речь идет о его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Далее были работы «Несколько слов в защиту экономического материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), «Не-что об истории» (1899); в 1908 г. он очень кратко изложил основы своего социологического подхода в работе «Основные вопросы марксизма».

Стилю Плеханова (1856—1918) присущ резкий полемический тон. Потому, читая его работы, надо с осторожностью воспринимать изложение им взглядов оппонентов. Так, к примеру, по вопросу о роли личности в истории Плеханов полемизировал с якобы присущей субъективной социологии точкой зрения о противопоставлении деятельности критически мыслящей личности и законов общественного развития. В действительности такого противопоставления не было. Речь шла о противопоставлении сознательной целеустанавливающей деятельности стихийному ходу вещей.

Изучение же самих взглядов Плеханова на историю неизбежно должно сопровождаться пониманием пафоса защиты идей экономического материализма. Так и при анализе роли личности в истории Плеханов считает своим долгом подчеркнуть, что марксизм не отрицает сознательного целенаправленного действия людей: «...общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, то есть масс. Необходимость их участия обуславливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей. Таким образом, открывается простор для деятельности отдельных личностей».

Выходит, что личности благодаря данным своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительным, но как сама возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением в нем общественных сил.

Плеханов жестко и определенно формулирует свое кредо марксиста при оценке роли базисных явлений в истории, отводя должное место и географическому фактору: «Свойства географической среды обуславливают собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собой

развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений... Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом... между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека». Раз «хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил», то «изменяются и взаимные отношения людей в процессе производства, а с ними и человеческая психика». Так меняется способ производства. Такова схема накопления количественных признаков и перехода их в качественные. «Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему». Плеханов обнаруживает некоторую последовательность в действии выявленной закономерности: 1) состояние производительных сил, 2) обусловленные им экономические отношения, 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической основе, 4) определяемая социально-политическим строем психика общественного человека, 5) различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики.

Плеханов — крупнейший теоретик марксизма. Он применял теорию экономического материализма к рассмотрению таких «идеологических надстроек» над «экономическим базисом», как религия, искусство, литература. Особый интерес с этой точки зрения представляет его фундаментальный исторический труд «История русской общественной мысли». Плеханов приступил к его написанию в 1909 г., завершить же так и не успел. Сама структура работы, в которой сначала дается очерк развития русских общественных отношений, а затем раскрывается движение общественной мысли, уже служит пониманию концепции автора.

Общеметодологические установки Плеханова сохраняются и в этом историческом труде. В качестве основного исследовательского метода он называет сравнительный, но подчеркивает, что применение этого метода в его понимании означает выявление не только черт сходства, но и черт отличия одного исторического явления от другого.

Отталкиваясь от традиционного в российской исторической литературе сравнения России и Запада Плеханов считает

нужным подчеркнуть, что, «не будучи вполне своеобразным, русский исторический процесс все-таки отличается от французского некоторыми весьма важными чертами. И не только от французского. В нем есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития восточных деспотий». Так Плеханов выбирает вторую точку отсчета. Россия в ее историческом развитии размещается между Западом и Востоком. Колебание ее истории склоняется то в одну, то в другую сторону: «Чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран, — и наоборот».

Исторические эпохи истории России по концепции Плеханова отличаются по их преимущественной родственности Востоку или Западу. Так, Московское царство ассоциируется с Востоком: «Надо думать, что если бы ожила мумия какого-нибудь «холопа» или дьяка, — scribe, как выражаются французские египтологи, — одного из египетских фараонов, скажем XII династии, и совершила путешествие в Московию, то, в противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительного для себя в общественно-политическом быту этой страны. Она решила бы, что отношения москвитян к верховной власти весьма близки к тому, что существовало на ее далекой родине, именно таковы, какими они должны быть в благоустроенной стране».

Разумеется, что при таком подходе вся деятельность Петра и последующая история России — это борьба с азиатщиной, с Россией Востока: «В конце XVII, в XVIII и в XIX столетиях, — не до Р.Х., а после него, необходимо было усвоить культуру европейского Запада или пойти назад, склониться к упадку и разложению». Заимствования с Запада были окружены азиатской обстановкой. Это определяло и ход и темпы преобразований. И в итоге: «Говорил или не говорил Петр, что Россия со временем должна будет повернуться «задом к Европе», — ясно, что в настоящее время она уже совершенно лишена всякой возможности поступить так».

И все же Плеханов допускал и варианты общественного развития и в обозначенном контексте: «Вся последующая история нашей общественной мысли определится взаимными классовыми отношениями пролетариата и буржуазии. В ходе развития этих отношений на «восточной равнине» Европы

опять будут, конечно, свои относительные особенности, которые вызовут относительные особенности духовного развития. Бесплезно гадать теперь как о тех, так и о других».

Что же определяет глубину и характер освоения Россией привносимых влияний? Все привносимые в Россию с Запада формы и идеи определяются в конечном итоге тем содержанием, которое дают им общественные классы России. Так просветительские идеи XVIII в. под влиянием состояния мещанского сословия, которое их восприняло, обернулись мистикой розенкрейцеров. Об Н.И. Новикове и его эволюции Плеханов высказался вполне определенно: «Он громко и восторженно пел замогильную песню, а более или менее образованные разnochинцы с удовольствием слушали ее и дружным хором подхватывали ее кладбищенский припев. Трагедия, которую мы видим здесь, была трагедией не отдельных лиц, а целого общественного слоя. Настроение, овладевшее Новиковым, оказалось соответствующим настроению весьма значительной части европеизованного «мещанства»».

Размышляя об общественной мысли, выраженной в «изящной» литературе, Плеханов опять ставит проблему зависимости форм общественного выражения от состояния общественных классов: «Но надо помнить, что содержание отстает от формы не тогда, когда литература только еще начинает развиваться, а тогда, когда она уже склоняется к упадку — чаще всего вследствие упадка того общественного класса или слоя, вкусы и стремления которого в ней выражаются».

Итоговый вывод, который находим в предисловии к труду, звучит парадоксально с учетом той системы приоритетов, к которым мы привыкли: «Мой анализ привел меня к тому выводу, что нелогичность, нередко проявляемая русскими идеологами, объясняется в последнем счете логикой западноевропейского общественного развития. Как ни парадоксален на первый взгляд этот вывод, я считаю его совершенно неоспоримым». В конечном итоге в окончательном виде все зависит от состояния и особенностей социальных групп и классов, данных нам историческим развитием. Правда, есть еще и психология эпохи: «Но чтобы правильно судить о тогдашних явлениях, необходимо принимать во внимание психологию тех эпох, к которым они относятся».

Взгляды Плеханова на историю России дали ему основания для заключения о перспективах революционного преобразования, в принципе могущих изменить линию судьбы,

намеченную Петром: «Если не будет объективных предпосылок для социалистической революции, то правительство вынуждено будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося лишь те изменения, что вместо «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста».

Исторические взгляды Плеханова, изложенные им в «Истории русской общественной мысли», были с большой долей скепсиса встречены его соратниками по политической борьбе. Из отзыва Троцкого: «Это труд в теоретическом отношении далеко не безупречный: соглашательские и патриотические тенденции плехановской политики... успели, по крайней мере частично, подкопать даже его теоретические устои. Запутавшись в безысходных противоречиях социал-патриотизма, Плеханов начал искать директивы вне теории классовой борьбы — то в национальном интересе, то в отвлеченных этических принципах. В последних своих писаниях он делает чудовищные уступки нормативной морали, пытаясь сделать ее критерием политики («оборонительная война — справедливая война»). Во введении к своей «Истории русской общественной мысли» он ограничивает сферу действия классовой борьбы областью внутренних отношений, заменяя ее для международных отношений национальной солидарностью». Исторический материал окрасил социологические концепции Плеханова в цвета, чуждые классовой позиции Троцкого. И это, скорее всего, неизбежное следствие реализации социологии на конкретно-историческом эмпирическом уровне.

**В.И. Ленин
и историческая
наука**

Не случайно Плеханов был назван и учителем Владимира Ильича Ульянова (Ленина) (1870—1924). Ленин как вождь и политический деятель достиг величайшего практического успеха. Ленин стал историей. Это предопределило интерес к его историческим концепциям. Этапы освоения ленинского теоретико-методологического наследия являются самостоятельной научной темой. Тема «В.И. Ленин и советская историческая наука» может быть рассмотрена самостоятельно именно в силу того значения, которое имело его теоретико-методологическое наследие на разных этапах развития советской исторической науки, зачастую определяя тенденции этого развития.

Ленин был не только теоретиком, но и практиком общественной жизни, публицистом. Сами социологические

и исторические вопросы ставились и решались Лениным в постоянной связи с текущими событиями, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии, тактики и технологии. Потому и основные вехи в изложении его взглядов связаны с общественными реалиями. Так, впервые его взгляды были изложены в связи с полемикой с народниками. В основу его социологии изначально была положена не личность, а социальная группа. Уже на том этапе, выступая солидарно с «легальными» марксистами, он внутренне расходится с объективизмом П.Б. Струве. «Что есть идеал для марксиста?» — задает он вопрос. И отвечает: «Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с современной наукой и современными нравственными идеями, а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование науки, а как требование такого-то класса, порожаемое такими-то общественными отношениями...»

Это был этап защиты социологии марксизма, затем был этап защиты философии марксизма. И в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин формулирует: «Материализм вообще признает объективно-реальное бытие (материю), независимо от сознания, ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение». Защита экономического, теперь исторического материализма приобрела еще одну важную сторону. Это признание старого партийного характера этого учения и вообще всей материалистической философии. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». Третий этап теоретической деятельности Ленина связан с революцией. Здесь возникает тема революции и государства, а также многое другое. И все же в заключении к работе «Государство и революция» он напишет, выразив суть своего жизненного призвания: «Приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать».

В трудах Ленина учение об общественно-экономических формациях неразрывно органически соединено с классовым анализом исторического процесса и партийностью в его оценке. Он применил к истории России метод, выработанный основоположниками исторического материализма. Ленин видел задачу в том, чтобы, «пользуясь выработанными приемами

было сделано практиками—политиками и учеными, осуществившими первый шаг.

Источники

- Бухарин Н.И.* Ленин как марксист // Избр. произв. М., 1988.
- Ленин В.И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.
- Ленин В.И.* Очередные задачи советской власти.
- Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский.
- Ленин В.И.* Памяти Герцена.
- Ленин В.И.* Развитие капитализма в России.
- Ленин В.И.* Роль сословий и классов в освободительном движении.
- Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?
- Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.

Литература

- Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р.* У истоков марксистской исторической мысли России. М., 1986.
- В.И. Ленин и историческая наука.* М., 1986.
- В.И. Ленин и проблемы истории.* Л., 1970.
- Проблемы истории в трудах В.И. Ленина. М., 1973.
- Пашуто В.Т., Салов В.И., Черепнин Л.В.* Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
- Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. СПб., 1918—1919. Т. 1—4.
- Соколов О.Д.* Об исторических взглядах Н. Покровского // Коммунист. 1963. № 8.
- Хорос В.Г.* Народническая идеология и марксизм. Конец XIX века. М., 1972.
- Черепнин Л.В.* История и современность в работах В.И. Ленина послеоктябрьского периода // История СССР. 1963. № 2.
- Черепнин Л.В.* Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. 1975. № 1.
- Черепнин Л.В., Курмачева М.Д.* Основные направления изучения феодальной эпохи // История СССР. 1976. № 3.
- Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.
- Черных А.Г.* В.И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969.
- Чистякова Е.В., Мальцева И.Ф.* Ленинская концепция истории России периода феодализма. М., 1985.
- Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.